

Беглец, Глава 11

Случайность сталкивает нас с чужой жизнью, чтобы тут же обстоятельства унесли её прочь от нас, оставив на сердце печаль. У каждого есть своя история, и она тесно сплетена с жизнью, постоянно напоминая о себе рассказом. Вот и сейчас, в сумрачном лесу, туман скрадывал стволы деревьев, а Мишель у костра вслушивался в рассказ о странствиях Евстафия.

Куда и зачем направляется этот человек. В какие долины переносил его туман. Какие случайности он ищет, ибо в тумане редкие ориентиры памяти высвечивают мысли ярче, чем в повседневности на слепящем свете дня. Да и понятно, утратив беззаботность прошлого, усомнившись в порядке нынешнего, убедившись в непредсказуемости будущего, он не может не думать о тайне, наполняющей окружающее, сводящей вместе случайности, складывающиеся в судьбу. Разобраться во всем он не может, настолько коротка жизнь его, но и не знать не может, так как все, что он знает, это и есть – все.

- Пришел с Усури из деревни Иннокентьевка, был на Имане в поселении Картун, на Нотто, прошел реки Улахэ, Сандугу, Ли-фудзин. И я живу среди того, что знаю давно. Пробовал мыть золото в горах, но китайцы не подпускают к своим тайнам на Сихотэ-Алине – существует запрет русской администрации на золотодобычу. Ходил за корнем «женьшенем» с удэгейцами и тадзами.

- Глубже пласты памяти, тщетно все. Время – метки. Образы и мысли. Почему мы помним время? Потому ли, что все образы и мысли суть метки, расставленные сознанием. Мышление складывается по принципу причина-следствие, объективно не существующих, и являются сознанию, как метки, отражающие волевое действие сознания.

- Здесь я уже полугода, - продолжил свой рассказ Евстафий, - из залива Ольги. Что же эти места для меня? Туманы и весеннее пробуждение природы, грязные дома на той стороне бухты среди пустырей вырубки, за складами тайга, гукание кукушки; ловля ночью на огонь корюшки на подхват с борта затопленной шкуны. Память может вспомнить - раскованный легкий веселый смех девчат за ставнями окон обывателей на поселковой улице в Ольге; морозящий дождь в заливе Владимира на проселочную дорогу; на сенокосе переселенцев из Тадуши, старичка-китайца, лекаря в бухте Тетюхэ, со своими золотыми иглами; болотистые верховья Ли-фудзина, староверку в старушечьем платке из Янмутьхоузы на Сандоге, пустившую переночевать в избу, а потом утром отмаливавшую оскверненную душу, стучаясь лбом об полати перед образами-складнями.

- Что же я искал там по дорогам? Родство душ, пусть исторически разных, но нравственно однородных. Не говорю одинаковых, говорю - живых. Искал того, чего я лишился еще в детстве - дома. Москва, кривая Маросейка, и я, девятый сын многочисленного бедного семейства, студент в валенках, скрипя снегом, несущий подмышкою связку книг.

- Я не бравирую своей бездомностью. Да и что для меня теперь книжная ученость -

чтобы занять место в присутствии? Дым, морок, а не жизнь. Теперь не важно, что больше вспоминаю ночевки у костра при дорогах. Россия - это дороги, точнее, бездорожье, неосвоенное пространство и глухие тупики.

- Как же снять маску одиночества, чтобы люди видели друг друга без слов. Близость людей, ведь это единственная реальность, неотчуждаемая от жизни. Все отчасти. «Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем», - как сказал апостол Павел. Все, кроме того, что я знаю лицом к лицу, что я вижу как себя, что я знаю как себя, что есть то, что и я.
И вот – бегу.

- Чувство природы для городского человека – это не первозданное чувство, а скорее растерянность тела, когда тот вырывается из мира, в котором все знает, где за любым предметом и движением идут повседневные мысли, чувства и желания. И единственная не расплывающаяся мысль – это укрыться, убежать от реальности, - преобладает.

- Обывательская стезя, где меня окружало пространство необходимости и принуждения. Необходимость механических действий. Долг, связывающий людей, не заинтересованных в твоей свободе выбора. Необходимость поиска средств существования. Принуждение к денежным отношениям, денежная зависимость отношений в обществе. Деньги для богачей это способ отделить свою совесть от системы насилия над обездоленными. Необходимость поддерживать свой социальный статус, больше напоминающий иерархию стада. Привязанность к ненужным вещам, словно они спасательный круг в неустойчивом мире. Все это тюрьма для живого духа. Можно ли обустроить по иному Россию?

- Мы, русские, - разговор продолжил Бакунин, - большею частью такие отчаянные резонеры, толкуем с жаром обо всем, болтаем безумолку и ничем в действительности не интересуемся, так что не даем даже себе труда узнать сколько-нибудь положительно предметы, о которых толкуем. Есть общечеловеческое право, которое везде и всегда отстаивать должно, но горячиться из права, основанного на положительных законах, там, где законы по коренному року подчинены самодержавному и даже министерскому произволу, по моему мнению, так же смешно и нелепо, как и видеть в чиновнике отца родного. Подкупность и взяточничество заменяют в России конституцию, без них было бы невозможно жить в России. «Обустроить» Россию русскому человеку не под силу. Только и слышно о распаде и хаосе. Как будто нет иных порядков, кроме человеческих установлений, без которых мир существовать не может.

- Российское государство может развиваться только вовне, и оно должно умереть, как только прекратит свои завоевания. Её истинное бытие – это лагеря кочевников.

- Добра и зла не существует. Жизнь обладает экспансивностью, как волей к действию, мир - экспрессивностью, как сигналом извне к действию. Как мы рыбу ловим? Ручейник живет в каменной крепости, рыба стоит в потоке, и тот и другая в воде, оба питаются тем, что попадает в воду. Приходит человек, насаживает на крючок голенького ручейника, ловит на него рыбу. В природе рыба бы ждала, когда из ручейника появится поденка и выйдет из домика, чтобы схватить ее, человек же усилил событийность среды, в которой они жили, треугольник события состоялся. Увеличив экспрессивность среды, человек уничтожил и рыбку и ручейника. Человек научился управлять этим свойством живого. Число сигналов в человеческом обществе растет, экспрессивность в государстве растет, человек перестал думать над чем-либо, его плотно подвесили на крючок закона, религии, культуры.

- Если работник делал сложную вещь, например, за месяц, то теперь он делает

простую, однообразную работу за день. Быстрота обладания результатом события приводит к соблазну, заставляет выполнять больше работы, пропуская насыщение работой - отсюда и стремление к разрушению себя и мира. Человек попадает в замкнутый круг каждодневных и пропущенных событий, и не может вырваться из него.

- Почему высшие слои общества ничего не делают? Потому что праздность - привилегия власти, иначе общество станет неуправляемым, что приведет к хаосу и остановке производства, так как только они помнят смысл работы, события. Деньги имеют функцию захвата власти богатыми собственниками над неимущим большинством, они заставляют принимать свои правила распределения и работы неимущими. Рабы отдают свою свободу в виде полноценной событийности жизни, на ущербную работу на угнетателей, в рамках бесчеловечного общества. Человек в современном обществе - раб распределения, никуда не может от него уйти, разве что в нищету.

- Управляющие классы не заботит понятие «добра», они придумали «добро», и пользуются им только в отношении своих детей и своего класса, навязывая рабам свое понятие «добра» как идеологии. Подменяя экспрессивность человека религией, привязав его к общей ответственности перед ней, используя милосердного и карающего Бога, как наживку, фанатики начинают приносить Богу человеческие жертвы, на самом деле в своих интересах.

Правильный политический строй начнется, когда большинству вернут событийность, как свободу от высших управляющих классов.

- Собственно цивилизация сводится к узаконенным формам практики, уже утратившим связь с внутренним опытом. Это область технического знания и идеологии, ищущих не понимания и духовной полноты жизни, а власти над природой и человеком. Человек цивилизации может быть вполне равнодушен к жизненной правде и даже морали.

- У меня нет ни малейшего интереса к теории, ибо уже давно, а теперь больше чем когда - либо, я почувствовал, что никакая теория, никакая готовая система, никакая написанная книга не спасет мира. Я не держусь никакой системы: я искренне ищущий.

- Я могу быть свободным только среди людей, пользующихся одинаковой со мной свободой. Утверждение моего права за счет другого, менее свободного, чем я, может и должно внушить мне сознание моей привилегии, а не сознание моей свободы... Но ничто так не противоречит свободе, как привилегия.

- Полная свобода каждого возможна при действительном равенстве всех.

Осуществление свободы в равенстве это и есть справедливость.

Туман рассеялся, Бакунин лежит у потрескивающего костра под звездным небом напротив затихшего, мирно спящего Евстафия. Взошла луна, светит сквозь ветви, наполняет лес призрачными тенями, все покрыто словно невидимым, но осязаемым флером. Звезды, острым краем, словно обломанные небосводом, сочатся блеском, словно тать окружила замершую в страхе землю, всматриваясь в глаза ещё живых, и словно шепчутся между собой, посылая незримых гонцов в мир, дышащий ночным холодом. Усталое тело проваливается в тепло живого костра и мягкую хвою, дрема смежила глаза.

...А ведь это еще не полная реальность! Ведь, когда я «слышу», я весь обращаюсь в слух, вот что-то изменилось в окружающем, я поворачиваю туда глаза. И постоянно сознание фиксирует это, переходит с одного на другое. Тело может делать одновременно многое, но сознание фиксирует только одно. Но тело принадлежит этому миру, в отличие от сознания, которое принадлежит «мне». Тело живет, сознание

фиксирует. А, что если сознанию позволить следовать за телом, не мешать ему,... тогда я буду сознавать каждый миг «своей» жизни,... а это есть... реальность мира и «меня» «самого»,... мешают,... надо убрать мысли,... и тогда....

Переступить границу «ничто», как переступить границу смерти. Мысль, страшаясь и сотканная из реальности бытия, есть поток всеобъемлющий и всеединый, не имеющий границ. Но это уже не «твое» бытие, это уже не поток «мыслей», - это бытие в котором возможно все.

...Мир не может быть абсолютно добрым или абсолютно злым. Почему? Он - свободен. Значит противоречив. Не будь противоречив, был бы не свободен. А значит и не добр, и не зол. А все-таки, может быть, и не совсем свободен.

К середине ночи, не попрощавшись с беглецом, Бакунин поднялся с земли, прихватив зажженный факел, и тихо ушел на берег. В полночь в бухту бесшумно вошла шкуна. С нее подали знак фонарем, и Мишель в ответ помахал факелом. Вскоре приставшая шлюпка забрала его на борт «Викерса». Капитан Алан Болан рассказал, что пришел приказ на пост Ольга - задержать Бакунина «где бы то ни было», а эскадре Попова следовать в Японию в Канагаву и Китай в Шанхай на поимку опасного государственного преступника. В очередной раз американец восхитился чутьем на опасность своего пассажира.

«Викерс» вышел из бухты Евстафия при свете луны, в чернеющий провал между тяжелыми берегами, в открытое ночное море, и беглец Бакунин, раскурив последнюю сигару из запасов клипера «Стрелок», навсегда покинул берега России.